

МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ ВЛАСТИ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.3>.

EDN: QUAIBB

*В.А. АЧКАСОВ*¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

ИЗОБРЕТЕНИЕ И РЕАНИМАЦИЯ «ЭТНОСОВ»: РОЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Аннотация. Статья является своего рода иллюстрацией тезиса, согласно которому в современной России этнополитика на региональном уровне воспринимается в ее самом упрощенном вульгарном варианте, т.е. как демонстрация этнокультурного многообразия региона через различные фольклорно-фестивальные мероприятия и поддержку этнических организаций, главной заботой лидеров которых является не только сохранение культурной отличительности группы, но и конструирование / реконструирование этнических сообществ. Более того, при таком понимании этнополитики именно этнические антрепренеры и этнически ориентированные исследователи становятся главными экспертами в области государственной национальной политики, хотя их интересы связаны не с решением задач культурной и политической интеграции российского общества и укреплением общероссийской гражданской идентичности, а с сохранением и реконструкцией локальных этнических идентичностей, а также с демонстрацией культурных дистанций между этническими группами. В статье показано, что именно политика идентичности открывает широкую арену для деятельности этнических антрепренеров, которые используют доминирующие в России примордиалистские представления об универсальности и аскриптивности этничности и глубокой укорененности этнических различий в прошлом для достижения своих целей.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы воды и ижора, этнические предприниматели, институционализация этничности, этнополитика.

Для цитирования: Ачкасов В.А. Изобретение и реанимация «этносов»: роль этнических предпринимателей // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 4. С. 62–81. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.3>. EDN: QUAIBB

ВВЕДЕНИЕ

Как свидетельствует политическая практика, государство может очень эффективно категоризировать и идентифицировать население, зачастую навязывая ему «этнические ярлыки», а затем уже «работать» с этими концептами. В свою очередь, фиксация этнических категорий в качестве официально признанных государством и их постоянное использование в управленческой практике и регистрационных документах, как правило, приводят к признанию индивидами своей принадлежности к этим институализированным этническим группам. Э. Либерман и П. Сингх выделяют следующие способы навязывания и институализации этничности, используемые государством: перепись населения, идентификационная карточка или паспорт, автономия для этнических групп в разных сферах, голосование и регулирование гражданской активности, этнические квоты или преференции, пространственное разделение людей, закон о браке, регулирование занятости и образования [16].

Однако прежде всего институциональную форму этническим категориям придает государственная практика этнического подсчета и классификации. Согласно резонному утверждению американского антрополога Д. Кертцера, «переписи, используемые правительствами для подсчета и классификации населения по этническому признаку, являются социально сконструированными, идеологически показательными и по своей сути политическими» [14]. Особенно активно к этой политической практике «изобретения и институализации этносов» прибегало советское государство. Правда, некоторые современные исследователи и российскую национальную политику называют «машинной для производства идентичностей» [6, с. 236].

Следует отметить, что государство не единственный значимый «идентификатор», и Р. Брубейкер одним из первых указал на то, что в процессе идентификации и институализации этничности значимую

роль играют элиты / этнические предприниматели [1]. Более того, благодаря усилиям этнических активистов возможна и реанимация «этносов». Исследователи уже давно продемонстрировали, что категории официальной переписи населения, особенно когда они через государственную «национальную» политику связаны с какими-либо ощутимыми выгодами, могут приводить к «собираанию народа» (А. Хоккинг), реанимации исчезающих / исчезнувших этнических групп и легитимации их существования. По крайней мере, опыт проведения переписей населения в современной России в 2002 г. (160 основных наименований национальностей, в первых вариантах Перечня национальностей их было около 200), в 2010 г. (193 национальности) и в 2020 г. (202 национальности) свидетельствует, что номенклатура «этносов» и «коренных народов» подверглась заметным изменениям. Однако речь здесь должна вестись не столько об этнических процессах слияния, разделения или исчезновения, сколько об изменении принципов классификации и степени либеральности политического режима, обеспечивающего право на свободную идентификацию граждан по этническому принципу или препятствующего его осуществлению. Тем не менее не малую роль в этих процессах играет лоббирование со стороны этнических антрепренеров / предпринимателей.

Как писал более тридцати лет назад П. Бурдьё, «власть над группой получает тот, кто может создать эту группу, внушив ее членам единое понимание своей идентичности и идентичное понимание своего единства. <...> Борьба вокруг этнической и региональной идентичности <...> — есть частный случай борьбы классификаций, борьбы за монополию <...> навязать определенный способ объяснять мир и, тем самым, создавать и разрушать группы» (Цит. по: [12, с. 271]). Согласно базовым положениям социального конструктивизма, формирование новой социальной реальности начинается с категоризации / рекатегоризации социальных объектов и объективации новых категорий в языке, а завершается их легитимацией и институализацией. Следовательно, и сами этнические группы реальны благодаря легитимации и институализации представлений людей о собственной этнической принадлежности опять же посредством дискурса.

Этничность крайне инструментальна и потому может успешно использоваться для достижения разных целей. При этом причины

поддержания и актуализации этничности носят, прежде всего, политический характер. Для обозначения такой деятельности американский исследователь А. Коэн использовал термин «ретрайбализация», понимаемый как процесс, в рамках которого этническая группа (ее элита), вовлеченная в борьбу за статус и привилегии с членами другой группы, «в рамках формальной политической системы» для достижения своих целей манипулирует обычаями, мифами, символами и с их помощью создает организацию, которую использует в качестве орудия своей борьбы [15].

Как уже отмечено, ключевую роль в этих процессах играют этнические элиты (этнические предприниматели), которые ведут борьбу не за интересы группы, а за контроль над редкими ресурсами, символический / репутационный капитал и оттеснение с политического поля этнических конкурентов. Впрочем, «этнические предприниматели» не представляют собой нечто единое. Так, В.С. Малахов проводит «различие между этническими активистами двух типов — “прагматиками” и “романтиками”. Прагматики, или этнопредприниматели в строгом смысле слова («брокеры от культуры», по выражению Абнера Коэна), — это общественные деятели, использующие этничность с целью приобретения или накопления социального капитала. Романтики — это этнические активисты, искренне стремящиеся к удержанию и развитию определенной этнической идентичности и пытающиеся заразить этим стремлением максимальное количество людей» [4]. Однако власти чаще всего в качестве контрагентов выбирают именно прагматиков, более близких им по духу.

Этнопредпринимателями этого типа являются многие лидеры российских национально-культурных автономий (НКА), взаимодействующие с властями на правах младших партнеров, имитируя тем самым представительство интересов этнических меньшинств. В свою очередь доступ, пусть даже потенциальный, к первым лицам субъекта федерации или города открывает им лоббистские возможности. Поэтому многие главы национально-культурных организаций кооптируются из числа предпринимателей, для которых эта «общественная нагрузка» становится и средством развития собственного бизнеса. «Этнос» оборачивается патрон-клиентской сетью, наделенной символическим капиталом и административным ресурсом [6, с. 238].

Зачастую основу социальной активности лидеров национально-культурных ассоциаций в России, по утверждению В.Р. Филиппова, «составляет именно борьба за выделение материальных средств на проведение тех или иных культурных мероприятий (чаще всего это организация традиционных народных праздников или концертов фольклорных самодеятельных коллективов), а также за предоставление офисов, оргтехники и проч. В конечном счете многие «национальные» лидеры стремятся стать государственными чиновниками «по этнокультурному ведомству» [11, с. 190]. В другой работе Филиппов приводит весьма характерное высказывание руководителя Ассоциации ассирийцев Москвы Р. Биджамова: «Очень большой для всех нас вопрос — это вопрос о легитимности национально-культурных организаций. Не секрет, что большинство из них являются на самом деле своего рода группами по интересам, клубами; это квазиорганизации, которые не имеют прочных связей со своей этнической средой и зачастую возглавляются непрофессиональными, некомпетентными, амбициозными и далекими от демократических традиций лидерами» [13, с. 7–8]. Таким образом, лидеры НКА, выступающие от имени этнических сообществ (народа), не получают от отдельных представителей этих сообществ полномочий на то, чтобы представлять их интересы, или имеют полномочия, которые иногда делегированы весьма условно и лишь некоторой частью сообщества.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Как представляется, в отличие от многих лидеров НКА, «борцы за права коренных малочисленных народов России» скорее относятся к категории этнических предпринимателей «романтиков». Рассмотрим в связи с этим конкретные кейсы «возрождения из пепла» коренного малочисленного народа России, осуществленного усилиями этнических активистов — «романтиков».

Описание ситуации и выявление базы для возникновения конфликта. В Кингисеппском районе Ленинградской области в начале 2000-х гг. началось строительство крупного морского порта в районе поселка Усть-Луга. Данный регион считается этнографами ареалом расселения народа водь (вожане). Однако население данного региона этнически смешанное и строительство порта, что следует особо отме-

тить, радикально меняло среду обитания всего регионального сообщества, а не только представителей народа водь. С началом реализации этого проекта стало понятно, что дальнейшее запланированное расширение территории порта может привести к уничтожению двух последних деревень проживания представителей указанной этнической группы — Лужицы и Краколя¹. Ввиду этого строительство порта начало вызывать протесты со стороны некоторых общественных организаций Ленинградской области и особенно представителей академических кругов Санкт-Петербурга, занимающихся лингвистикой и этнографией финно-угорских народов.

Формирование сторон конфликта, выявление основных спикеров, фиксация позиций сторон. Сложившаяся ситуация привела к формированию конфликтующих сторон: с одной стороны были представители администрации строящегося порта, с другой — не столько жители Лужицы и Краколя, сколько представители общественных организаций «Общество водской культуры» (зарегистрировано в ходе конфликта), «Центр коренных народов Ленинградской области», «Вепсария», «Общество води и ижоры» и академических кругов Санкт-Петербурга, причем очень часто это были одни и те же люди. Со стороны администрации порта заявления по данной проблеме делались преимущественно пресс-службой компании. Со стороны защитников водских поселений наиболее часто в медиапространстве появлялись руководитель «Общества водской культуры» Татьяна Ефимова и этнолог, руководитель «Центра коренных народов Ленинградской области» Ольга Конькова.

Позиция строителей порта основывалась на необходимости реализации утвержденного плана развития транспортного узла, который подразумевал строительство промзоны на территории деревни Лужицы. Активисты, жители деревни и сочувствующие им требовали от региональной администрации сохранения деревень и защиты «народа водь» от исчезновения.

Экономический интерес администрации Ленинградской области заключался в том, чтобы развитие порта продолжалось, ввиду того что

¹ Порт Усть-Луга угрожает води // Информационный центр финно-угорских народов [электронный ресурс]. Дата обращения 09.09.2025. URL: <http://m.finugor.com/news/port-ust-luga-ugrozhaet-vodi>.

это одна из основных точек экономического роста в стратегии долгосрочного развития региона. В отмене строительства порта были заинтересованы только власти соседних государств (в первую очередь Эстонии), для которых появление нового крупного российского порта на Балтике угрожало резким снижением товарооборота в их собственных портах. Неслучайно первыми подняли вопрос об угрозе исчезновения малочисленных финно-угорских народов водь и ижора эстонские этнологи. Стоит также отметить, что проблема защиты народа водь и до, и позднее тревожила власти наших соседей, так президент Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес в 2014 г., через несколько лет после урегулирования конфликта, говорил о ситуации в районе Усть-Лути как о разрушающей декларацию ООН «О правах коренных народов»¹.

Динамика развития конфликтной ситуации. Более широкий резонанс проблема защиты народа водь получила после подключения к решению вопроса представителей Института языкознания РАН (2008 г.). Его директор, профессор В.В. Виноградов написал два открытых письма — в Министерство экономического развития РФ и в Правительство Ленинградской области. В них он апеллирует к статье 69 конституции РФ «О защите коренных малочисленных народов» и статье 4 ФЗ «О защите окружающей среды» и требует представителей федеральной и региональной власти принять меры по сохранению водской культуры и языка². Именно Виноградов выступил с предложением создать в районе компактного расселения малого народа специальный заповедник для защиты его культурной самобытности. Отмечалось, что чрезмерно тесный контакт с промышленной зоной порта, даже в случае сохранения деревни, серьезно навредит окружающей среде и все равно поставит представителей народа водь на грань вымирания³.

¹ Президент Эстонии: Порт Усть-Луга противоречит декларации ООН о правах коренных народов // ИА REGNUM. 24.09.2014 [электронный ресурс]. Дата обращения 09.09.2025. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1850832.html>.

² Российские власти уничтожают последние водские деревни // HYPERLINK «<https://mariuver.eu/>»MariUver. 20.01.2008 [электронный ресурс]. Дата обращения 09.09.2025. URL: <http://www.mariuver.info/rus/news/soc/2008/01/20.html>.

³ Там же.

Вскоре последовала первая реакция со стороны администрации порта. Руководитель компании Николай Иевлев сделал заявление, в котором отметил, что непосредственно территория деревни Лужицы застройке не подлежит. Он также подчеркнул: поскольку води нет в федеральном списке коренных малочисленных народов России, де-юре такого коренного малочисленного народа не существует¹. Данные высказывания вызвали крайнее возмущение и негативную реакцию у поддерживающей водь общественности, в интернете появляются катастрофические публикации типа «Российские власти уничтожают последние водские деревни» или «Порт “Усть-Луга” поможет народу водь окончательно исчезнуть» и др. В результате, центральной задачей для этнических активистов стало лоббирование включения народа водь в официальный список коренных малочисленных народов РФ. Добившись этого уже в 2008 г., защитники народа водь поменяли стратегию поведения. Как отмечала в 2009 г. руководитель «Центра коренных народов Ленинградской области» Ольга Конькова, ввиду того что порт «Усть-Луга» уже почти построен, имеет смысл не протестовать против его дальнейшего строительства, а искать пути взаимодействия и нахождения компромисса². Площадкой для трансляции интересов исчезающего коренного народа стал ежегодный праздник «Лужицкая складчина», который носил чисто фольклорный характер, но создавал информационный повод и возможность публично заявить о проблеме. Позже взаимодействие между сторонами конфликта продолжилось. Площадкой для переговоров стали общественные слушания по застройке территорий порта «Усть-Луга» и совместные совещания сторон.

Результаты разрешения конфликта. Тревога по поводу угрозы существованию народа водь публично демонстрировалась и в последующие годы, в том числе и за пределами Ленинградской области —

¹ Компания «Усть-Луга»: малого народа водь нет // HYPERLINK «<https://mariuver.eu/>» MariUver. 24.01.2008 [электронный ресурс]. Дата обращения 09.09.2025. URL: <http://www.mariuver.info/rus/news/soc/2008/01/24.html>.

² Порт «Усть-Луга» поможет народу водь окончательно исчезнуть // Город 812. 10.10.2014 [электронный ресурс]. Дата обращения 09.09.2025. URL: <http://www.online812.ru/2014/10/10/009/>.

в Эстонии, даже после того, как этническая группа получила официальный статус коренного малочисленного народа России и активно заработали «Центр коренных народов Ленинградской области» и «Общество води и ижоры» (ижора тоже имеет статус коренного малочисленного народа РФ). Характерно, что обе организации возглавила О.И. Конькова, признанная в результате успеха акции с получением официального статуса води, значимым экспертом в области региональной этнополитики. После нескольких лет переговоров, летом 2011 г. администрация порта окончательно установила его южную границу, оставив деревню Лужицы вне опасности¹. Таким образом одно из базовых требований стороны, защищающей водское население, было удовлетворено (однако деревня Краколье исчезла и проект специального заповедника, предлагаемый Институтом языкознания РАН, так и не был реализован). Кроме того, администрация порта (ОАО «Компания Усть-Луга») профинансировала специальные экологические программы в районе, а также издание книги главной защитницы води О.И. Коньковой [8]². В этой книге автор без обиняков заявляет: «Пусть официальные данные говорят о том, что вожан осталось менее сотни человек. На самом деле, в каждом четвертом жителе западных районов Ленинградской области течет часть древней водской крови. И если бы многие сотни тысяч современных жителей внимательно изучили историю своей семьи и взгляделись в лица своих родителей, они с радостным удивлением нашли бы в себе мощную уникальную составляющую коренных народов нашей земли (выделено мной — В.А.). Вожаками были их деды и прадеды, на водском языке разговаривали еще их бабушки. Ведь водь — один из древнейших народов Северо-Запада России, о котором говорили летописи еще в XI в. Но сотни войн и на-

¹ Южная граница порта Усть-Луга определена окончательно и не затрагивает водскую деревню Лужицы — ОАО «Компания Усть-Луга» (карта) // PortNews. 03.06.2011 [электронный ресурс]. Дата обращения 09.09.2025. URL: <http://portnews.ru/news/65803/>.

² Финансирование экологической программы УПК (Усть-Луга) за 3 месяца 2017 года выросло в 5,6 раза — до 1,96 млн руб. // PortNews. 25.04.2017 [электронный ресурс]. Дата обращения 09.09.2025. URL: <http://portnews.ru/news/238053/>.

падений, изломы истории и политики привели к тому, что некогда сильный и известный народ в наши дни насчитывает лишь десятки человек» [2, с. 5–6].

Мало того, что О.И. Конькова определяет этническую принадлежность фактически по крови, что крайне удивительно для ученого-этнолога, позднее она уже утверждает, что вожан как и ижорцев насильственно записывали «русскими», и что «практически весь XX век был направлен на ассимиляцию народов, на принижение национального самосознания (? — В.А.)» [2, с. 68]. И это говорится о Советском Союзе, где государство всячески спонсировало этническое многообразие и поддерживало большие и малые культуры, отказавшись от гражданского «нациестроительства» в пользу поощрения многонациональности и пропаганды «дружбы народов». Как резонно отмечал по этому поводу В.А. Тишков, «нет такого региона мира, где бы в течение XX века, как это было в Советском Союзе, не исчезла ни одна малая культура, и фактически сохранилась вся культурная мозаика огромного государства, в то время как исчезали сотни малых культур в других регионах мира. И это касается не только стран Азии, Африки и Латинской Америки, но и развитого европейского мира, где средств для поддержки культурного многообразия на порядок больше» [9, с. 247]. В свою очередь, по мнению внешнего эксперта — американского исследователя Терри Мартина, советское государство осуществляло политику «положительной дискриминации» («аффирмативных действий»), то есть акцентирования и сохранения любых форм национальной самобытности малых туземных народов, вместо того чтобы поощрять постепенную интеграцию с русскими или другими крупными и более развитыми народами [5]. Тем самым Т. Мартин продемонстрировал, что первыми к проведению политики мультикультурализма обратились не канадцы и американцы в 70-е гг. XX века, а большевики на 50 лет ранее, причем осуществляли ее в гораздо более радикальной форме и практически до конца существования Советского Союза.

Казалось бы, анализ данного кейса показал, что усилиями активистов гражданского общества удалось обеспечить локальному конфликту интересов широкий резонанс, вывести его обсуждение на федеральный и даже международный уровень и обеспечить его успешное разрешение. Все это, казалось бы, указывает на наличие у «третьего

сектора» Ленинградской области и Санкт-Петербурга серьезного потенциала правозащитной деятельности и урегулирования возникающих конфликтных ситуаций.

Однако если встать на позиции, заявленные в Федеральном законе «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»¹, то води как «коренного малочисленного народа» не существует — есть очень небольшая группа престарелых граждан, которые идентифицируют себя как води, есть небольшая группа петербургских энтузиастов, которые искренне озаботились проблемой сохранения народа води, и есть власти Ленинградской области, которые, конечно же, признали присвоенный государством статус коренного малочисленного народа води.

Однако о каком «коренном народе води» может идти речь, если в деревнях Лужицы и Краколье Кингисеппского района Ленинградской области, в районе с этнически смешанным населением, проживало в рассматриваемый период несколько старушек, именующих себя вожанками, а балтийскую кильку вожане не ловят уже лет шестьдесят-семьдесят, т.е. никто из них не занимается традиционным промысло-

¹ Федеральный закон относит к коренным малочисленным народам «народы, проживающие в районах Севера, Сибири и Дальнего Востока на территориях традиционного расселения своих предков, *сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы* (выделено мной — В.А.), насчитывающие менее 50 тысяч человек и осознающие себя самостоятельными этническими общностями» (Федеральный закон от 20 июля 2000 г. N 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Статья 1. URL: <https://base.garant.ru/182356/1cafb24d049dcd1e7707a22d98e9858f/>). Здесь есть правовая коллизия, поскольку в Едином перечне коренных малочисленных народов води присутствует (Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. N 255). URL: https://base.garant.ru/181870/#block_1000). Однако федеральный закон обладает большей юридической силой, чем постановление правительства. Именно это противоречие используется в политических целях.

вым хозяйством и не сохраняет традиционный образ жизни, что является непереносимым требованием для получения этнической группой статуса «коренного малочисленного народа России»¹.

Таким образом, парадокс ситуации состоит в том, что, с одной стороны, российское государство признало существование «коренного малочисленного народа водь», с другой, те кто идентифицируют себя как «коренной народ водь», не соответствуют требованиям ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (Ст. 1). Конечно же, существует небольшая группа граждан России, которые считают себя носителями водской идентичности, и потому, согласно базовым постулатам социального конструктивизма, водь как *национальное меньшинство* существует. Правда, из 64 вожан, зафиксированных переписью 2010 г., только четверо заявили, что знают водский язык. По данным переписи 2020 г., вожан стало несколько больше — 99 человек, причем большая их часть — горожане (69 человек), и это, как представляется, результат деятельности «Центра коренных народов Ленинградской области» и «Общества води и ижоры», возглавляемых г-жой О.И. Коньковой. Однако идентичность — категория субъективная, поэтому говорить об идентичности народа можно только в метафорическом смысле, представляя его как некое совокупное «лицо» (личность).

Еще в 2008 г. известный российский этнолог С.В. Соколовский писал: «Рациональную основу специальных мер защиты прав коренных народов можно выявить, отвечая на вопрос о специфике их ситуации по сравнению с ситуацией меньшинств. Специфика же эта заключается, прежде всего, в изначальном отказе от интеграции в современную (европейскую по своему происхождению) индустриальную цивилизацию и мировую экономику. Если специфика образа жизни меньшинств выражается в особенностях их языка, религии, или культуры (причем речь идет здесь о хорошо интегрированных в обозначенном выше смысле культурных формах — крестьянских, “фольклорных”, или

¹ Хочу поблагодарить проф. Ю.П. Шабаева за предоставленную информацию о реальном положении народов водь и ижора.

городских), то специфика образа жизни коренных народов — это специфика их форм хозяйствования, не вписывающихся в нормы и ценности доминирующего общества и противоречащих законам рыночной экономики и западной рациональности. Собственно, именно эти противоречия и обуславливают отказ от интеграции, о котором идет речь. Следовательно, *специфика защиты прав коренных народов заключается в охране их образа жизни, укорененного в их мировоззрении и верованиях; все остальные права гарантируются стандартными нормами прав человека и прав меньшинств* (выделено мной — В.А.) [7, с. 67]. Далее исследователь особенно подчеркивал: «Поскольку отнюдь не все люди, причисляющие себя к коренным народам, ведут подобный образ жизни, *специфические нормы защиты прав коренных народов должны адресоваться лишь тем из них, кто вовлечен в эти виды хозяйственной деятельности, а также членам их семей, экономическое благосостояние которых поддерживается теми же ресурсами* (выделено мной — В.А.). Языковые и культурные права остальных должны защищаться общими нормами прав человека и прав меньшинств» [7, с. 68].

Поэтому фактически народ водь как «коренной малочисленный народ РФ» уже исчез, и в этом нет ничего необычного, ибо вся история человечества свидетельствует о том, что языки, культуры и народы рождаются и умирают, и, к сожалению, это естественный процесс, примеров которому можно найти достаточно, в том числе в России и в Европе. В силу этого обстоятельства нет и необходимости защищать традиционный образ жизни и формы хозяйствования, которых тоже уже нет¹. В свою очередь культурные права тех, кто продолжает причислять себя к народу водь, защищаются, как отмечено выше, общими нормами прав человека и прав меньшинств.

Не менее проблематично говорить о существовании коренного малочисленного народа ижора. И дело не в его численности, хотя она тоже невелика: в 2010 г. 229 человек называли себя ижорой, а по дан-

¹ Однако такого рода парадоксальная ситуация не уникальна. Так, В.А. Тишков в одной из своих публикаций перечисляет более десятка фактически исчезнувших народов РФ, которые де-юре имеют статус «коренных малочисленных народов».

ным переписи 2020 г. численность народа сократилась до 210 человек. Ижорская молодежь давно покинула свои деревни, отказалась от традиционного образа жизни, ижорского языка, и, самое главное, большинство из них искренне считают себя русскими, что является логическим завершением процесса культурной эволюции ижор¹. Как отмечает лингвист А.В. Крюков, наиболее общее для всех групп ижор этническое самоназвание — «русские» («venäläiset») — первоначально представляло собой политоним (социальный маркер, указывавший на пребывание ижор вплоть до XVII в. в составе Русского государства — «Venäjä»), а в XVIII–XIX вв. конфессионим («русские» как носители православной религии, прихожане православной церкви — «venäjän kirkko»). Ижорцы, искренне считавшие себя «настоящими русскими», с XVII в. представлялись таковыми в первую очередь перед «значимыми другими» — ингерманландскими финнами-лютеранами. Вплоть до XIX–XX вв. ижорцы рассматривали себя не как этническое меньшинство, а как часть русского народа. Данное самосознание объясняет почему среди ижорцев никогда не было заметного стремления к обретению автономии. Так, они приняли крайне незначительное участие в «ингерманландской армии» Республики Северная Ингрия, существовавшей в период Гражданской войны (в 1918–1919 гг.), а в 1930-е гг. местные учителя в большинстве своем были против «ижоризации» школы (т.е. ижорской письменности и преподавания предметов в начальной школе на ижорском языке) [3]. Однако важно заметить, что сегодня «борьба за права води и ижор» приобрела совсем иной характер: ее суть состоит в реконструировании, актуализации и демонстрации их этнической отличительности². При этом автор статьи ни на минуту не сомневался в автохтонном статусе народов водь и ижора, в том, что они проживают на северо-западе России в течение многих веков.

¹ Водский и ижорский языки включены в Атлас исчезающих языков мира ЮНЕСКО.

² Позднее руководитель «Центра коренных народов Ленинградской области» уже добивалась от властей области запуска подготовки преподавателей водского языка в Ленинградском государственном университете им. А.С. Пушкина. Однако было неясно: кто может учить студентов этому языку и, главное, кого те будут учить после окончания вуза?

В отличие от современных этнических антрепренеров и их «группы поддержки» (выступающих от имени води и ижоры, но не получивших мандат на это от отдельных членов этих сообществ), многие представители этих народов выбрали путь вполне сознательной культурной интеграции в русское этнокультурное сообщество. Правда, можно ведь и не замечать этого, демонстрируя заботу о сохранении «многонациональности» региона, как это случилось в Ленинградской области (пик интереса властей к этой проблеме — это начало 2010-х гг., когда этнические проблемы привлекли пристальное внимание и федеральных властей; позднее в интернете почти исчезает информация о проявлении заботы региональной власти об этих «коренных народах»), и пойти на поводу у этнических антрепренеров, которые, исходя из примордиалистских представлений об «этносе» и из вполне искренних побуждений, встали на защиту народов водь и ижора.

Как писал еще 25 лет назад С.В. Соколовский, «критика содержания отечественных понятий “коренные народы” (и “титульные этносы”) давно назрела, хотя стороны, вовлеченные в создание и воспроизводство соответствующего социального статуса — политики, ученые, законодатели и сами субъекты этих законов, быть может и не готовы к весьма радикальной точке зрения, что конституирующее этот статус понятие является “творением антропологического воображения”» [8, с. 6].

В реальности же сегодня уже есть прецеденты, когда приходилось прибегать к судебному порядку установления национальной принадлежности в связи с претензиями на местные льготы для лиц, относящих себя к коренным малочисленным народам Севера и Северо-Востока России. Таким образом появилась странная судебная практика по установлению «национальной принадлежности» лиц, желающих вступить в родовые общины народов Севера по экономическим причинам, прежде всего с целью получения угодий для рыбной ловли, морского промысла и охоты.

Если же посмотреть на зарубежный опыт такого рода, то, например, возможность участия в формировании саамских парламентов в странах Скандинавии и Финляндии определяется не в результате судебного разбирательства, призванного установить принадлежность истца к «коренному народу», а появляется у граждан этих государств тогда, когда они добровольно и в частном порядке заявят о своей при-

надлежности к саамским сообществам и проявят явное стремление к тому, чтобы быть внесенными в списки народа саами, которые одновременно являются и списками избирателей названных парламентских институтов. Другой пример такого рода — коренные аляскинцы, которые могут получать доход от эксплуатации земель на Аляске, лишь став членами ассоциации коренных аляскинцев, т.е. проявив личное желание стать членом этого этнического сообщества. Земля сообщества является общим достоянием, но доходы от нее — это уже индивидуальная рента его членов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суть этнополитики, по мнению В.А. Тишкова и Ю.П. Шабаева, состоит в последовательном укреплении государственного единства, в координации усилий всех госорганов при решении экономических, социальных и культурных проблем этнических общностей, в организации их диалога с властью и позитивного межобщинного диалога, в согласовании действий всех заинтересованных сторон при решении проблем культурного развития этнических групп, в оптимизации межэтнических отношений, в предупреждении и урегулировании этнополитических и этнических конфликтов [10, с. 378].

В России же административная практика фактически закрепляет «этнос» в качестве базовой единицы социального мира. Однако этнополитика, строящаяся на признании и защите групповых прав «коренных народов или этносов», практически всегда влечет за собой произвол и неравенство, так как сам отбор привилегированных групп, равно как и определение того, кто к каким группам принадлежит, является вполне произвольным. Следствием такой политики часто является своего рода система «апартеида наоборот» или позитивной дискриминации, при которой дополнительные возможности и права людей определяются случайным в нравственном отношении фактом их этнической принадлежности, а не их реальными заслугами и насущными нуждами.

Как еще одно необходимое следствие из сказанного: любой законодательный акт, основанный на концепте коллективных прав, на деле не должен и не может обходить вниманием понятие личных прав представителей этнического и иных сообществ.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ачкасов Валерий Алексеевич — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой этнополитологии факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Телефон: +7 (812) 363–64–59. **Электронная почта:** val-achkasov@yandex.ru.

Research Article

VALERY A. ACHKASOV¹

¹ St. Petersburg State University

7/9, Universitetskaya Emb., 199034, St. Petersburg, Russia.

**THE INVENTION AND RESUSCITATION OF “ETHNIC GROUPS”:
THE ROLE OF ETHNIC ENTREPRENEURS**

Abstract. This article illustrates the thesis that in contemporary Russia, ethnopolitics at the regional level is perceived in its most simplified, vulgar form — that is, as a demonstration of a region's ethnocultural diversity through various folklore festivals and support for ethnic organizations whose leaders' primary concern is not only preserving the group's cultural distinctiveness but also constructing / reconstructing ethnic communities. Moreover, with this understanding of ethnopolitics, it is ethnic entrepreneurs and ethnically oriented researchers who become the leading experts in the field of state national policy, although their interests are not related to solving the problems of cultural and political integration of Russian society and strengthening a pan-Russian civic identity, but rather to the preservation and reconstruction of local ethnic identities and the demonstration of cultural distances between ethnic groups. The article demonstrates that it is identity politics that opens a broad arena for the activities of ethnic entrepreneurs who exploit the primordialist ideas of the masses about the universality and ascriptivity of ethnicity, and the deep roots of ethnic differences in the past to achieve their goals.

Keywords: indigenous peoples of Vod and Izhora, ethnic entrepreneurs, institutionalization of ethnicity, ethnopolitics.

For citation: Achkasov V.A. The invention and resuscitation of “ethnic groups”: The role of ethnic entrepreneurs. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 4. P. 62–81. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.3>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valery A. Achkasov — Doctor of Political Science, Professor, St. Petersburg State University, Faculty of Political Science.

Phone: +7 (812) 363–64–59. **Email:** val-achkasov@yandex.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
Brubaker R. Ethnicity without groups [Russ. ed.: *Etnichnost' bez grupp*. Moscow: HSE Publ., 2012. 408 p.]
2. Конькова О.И. Водь: Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009. 252 с.
Kon'kova O.I. *Vod': Ocherki istorii i kul'tury* [Vod': Essays on history and culture]. St. Petersburg: MAE RAN, 2009. 252 p. (In Russ.)
3. Крюков А.В. Об этническом самосознании ингерманландских финнов и ижор // Нестор. 2007. № 10. С. 320–322.
Kryukov A.V. On the ethnic self-awareness of the Ingrian Finns and Izhorians. *Nestor*. 2007. No. 10. P. 320–322. (In Russ.)
4. Малахов В.С. Этничность в большом городе // Неприкосновенный запас. 2007. № 1. С. 185–196. EDN: UUGGGV
Malakhov V.S. Ethnicity in the big city. *Neprikosnovennyy zasap*. 2007. No. 1. P. 185–196. (In Russ.)
5. Мартин Т. Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 662 с.
Martin T. The affirmative action empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. [Russ. ed.: *Imperiya «polozhitel'naya deyatel'nost'»*. *Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2011. 662 p.]
6. Силаев Н.Ю. Управлять неуправляемым: что такое национальная политика? // Политическая наука. 2017. № 4. С. 226–242. EDN: ZXXUBH
Silaev N.Yu. Governing the unmanageable: What is "the national policy"? *Politicheskaya nauka = Political science*. 2017. No. 4. P. 226–242. (In Russ.)
7. Соколовский С.В. Коренные народы: между интеграцией и сохранением культур // Этнические категории и статистика: дебаты в России и во Франции / Под ред. Е.И. Филипповой. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2008. С. 49–70.
Sokolovskiy S.V. Korennyye narody: mezhdru integratsiyey i sokhraneniem kul'tury [Indigenous peoples: Between integration and cultural preservation]. *Etnicheskiye kategorii i statistika: debaty v Rossii i vo Frantsii* [Ethnic categories and statistics: Debates in Russia and France] / Ed. by E.I. Filippova. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 2008. P. 49–70. (In Russ.)

8. Соколовский С.В. Корни и крона (мистика и метафизика конструирования статуса «коренных малочисленных народов») // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 3–8. EDN: QIPJKV
Sokolovskiy S.V. Roots and crown (mysticism and metaphysics of constructing the status of “indigenous peoples”). *Etnograficheskoye obozreniye = Ethnographic review*. 2000. No. 3. P. 3–8. (In Russ.)
9. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с. EDN: RAOEBN
Tishkov V.A. *Rekviyem po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for an ethnos: Research in socio-cultural anthropology]. Moscow: Nauka, 2003. 544 p. (In Russ.)
10. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: Политические функции этничности. Учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: МГУ, 2013. 413 с.
Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. *Etnopolitologiya: Politicheskiye funktsii etnichnosti. Uchebnik dlya vuzov* [Ethnopolitical science: Political functions of ethnicity. Textbook for universities]. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Moscow State University, 2013. 413 p. (In Russ.)
11. Филиппов В.Р. Кризис этнического федерализма в России // Регионы и регионализм в странах Запада и России / Ред. Бусыгина И.М., Иванов Р.Ф., Супоницкая И.М. М.: Изд. Института всеобщей истории РАН, 2001. С. 180–194.
Filippov V.R. Krizis etnicheskogo federalizma v Rossii [The crisis of ethnic federalism in Russia]. *Regiony i regionalizm v stranakh Zapada i Rossii* [Regions and regionalism in Western countries and Russia]. Ed. by Busygina I.M., Ivanov R.F., Suponitskaya I.M. Moscow: Publ. of Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, 2001. P. 180–194. (In Russ.)
12. Филиппова Е.И. Территории идентичности в современной Франции. М.: ФГНУ «Росинформмагротех», 2010. 300 с.
Filippova E.I. *Territorii identichnosti v sovremennoy Frantsii* [Territories of identity in modern France]. Moscow: Federal State Scientific Institution “Rosinformagrotekh”, 2010. 300 p. (In Russ.)
13. Этнические процессы в столичном мегаполисе / Отв. ред. В.Р. Филиппов. М.: Ин-т Африки РАН, 2008. 228 с.
Etnicheskiye protsessy v stolichnom megapolise [Ethnic processes in the capital metropolis]. Ed. by V.R. Filippov. Moscow: Institute of African Studies, Russian Academy of Sciences, 2008. 228 p. (In Russ.)
14. *Census and identity: The politics of race, ethnicity and language in national censuses*. Ed. by Kertzer D., Arel D. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 210 p.

15. Cohen A. *Custom and politics in urban Africa: A study of Hausa migrants in Yoruba towns*. Berkeley; Los Angeles, CA: University of California Press, 1969. 252 p.
16. Lieberman E.S., Singh P. Institutionalized ethnicity and civil war. *Annual Meeting of the American Political Science Association*. 2010. Accessed 09.09.2025. URL: https://www.researchgate.net/publication/254063662_Institutionalized_Ethnicity_and_Civil_War.